Nevertheless, Mommsen supposed that a *rogator*, when he understood that the people was not inclined to accept his bill, could withdraw it during *the trinum nundinum* in order to avoid a political failure. In fact, E. Flaig pointed out that very few bills were repelled by the comitia. Mommsen added that the rogator could put forth a modified proposal according to the wishes expressed by the public of the *contiones*. But he quotes as a piece of evidence two cases which do not seem conclusive: Cic., Att. I, 19, 4 (the tr. pl. Flauius actually gave up the idea of submitting his bill) and Asc., p. 58–59 Cl. (the tr. pl. Cornelius presented indeed a second form of his previous *rogatio*, but he did not voluntarily withdraw the first one).

But some other cases can back up Mommsen's theory. In 48 BC, praetor M. Caelius Rufus proposed a bill which he withdrew and published two other *rogationes* related to the previous (Caes., Bell ciu. III, 20, 5–21, 1: *sublata priore lege ... leges duas promulgauit*). In 48 BC, the tr. pl. P. Clodius Pulcher changed the bill concerning Cicero's banishment (Cic., Att. III, 2: *rogatione nondum correcta*; 4: *quod correctum erat*). Lastly, in 49 BC., during a *contio*, the attendants asked Caesar to modify (προσγράφειν) a bill concerning currency (Dio, XLI, 38, 2–3).

We may suppose that Augustus resorted to such a procedure in 28 BC, according to Prop. II, 7, 1 *sublatam ... legem; legem tollere* is indeed the formula used by Caesar when describing Caelius' attitude in 48, and it cannot be denied (pace E. Badian) that *legem tollere* pertains to the withdrawal of a simple bill.

We thus come to the conclusion that the withdrawal of a bill and the proposal of a modified form of a text was a usual and normal procedure at the end of the Republic (ancient historians used the words: *legem corrigere, legem tollere*, προσγράφειν τῇ γνώμῃ or τῷ νόμῳ). In this way, rogatores could take into consideration reactions of speakers and public during the contiones and improve their proposals. Nevertheless, as the speakers (generally other magistrates and senators) and simple attendants expressed their opinions in different ways (articulate speeches opposite to shouting and applauses) during these meetings, the procedure of withdrawal and new introducing of bills was mainly a supplementary tool of senators' political influence.

© 2004 г.

В. М. Зубарь, В. В. Крапивина

О РИМСКОМ ГАРНИЗОНЕ ОЛЬВИИ В СЕРЕДИНЕ III в.*

В ходе раскопок 1998 г. в юго-восточной части Верхнего города Ольвии в слое, образовавшемся в результате разрушения города во второй половине III в., был найден фрагмент правой нижней части небольшой мраморной плитки с изображением фракийского всадника и двумя строками фрагментированной латинской надписи[1]. Плитка плоская, со скошенными боками, крупнозернистого мрамора, серо-белого цвета, покрыта местами коричневатым известковым налетом. Лицевая сторона полированная, обратная и боковые – пиленые. Размеры фрагмента: высота 11.5–14.4 см, ширина 6.0–9.2 см, толщина 2.2–2.8 см. Изображение было выполнено в низком рельефе, высотой 0.2–0.5 см и окаймлено гладкой неширокой прямоугольной рамкой шириной 0.2–0.5 см слева и 2.6–2.8 см снизу. Сохранился достаточно грубо вырезанный корпус кабана, бегущего вправо, передняя нога с копытом и часть крупа лошади с коленом правой ноги всадника, скачущего в том же направлении (рис. 1).

* Статья публикуется в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

[1] Инвентарный номер О-98/Р-25/1446, найден на участке Р-25, руководители работ В.В. Крапивина, А.В. Буйских. Хранится в Музее археологии Института археологии НАН Украины.

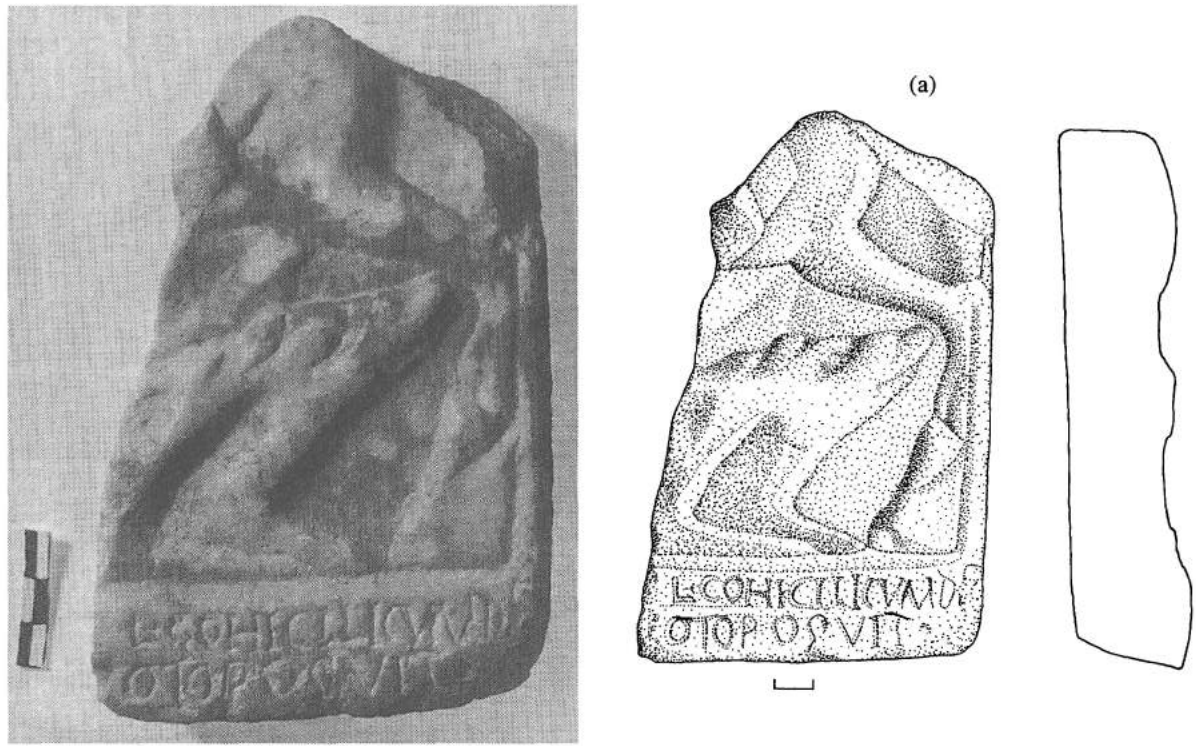

Рис. 1. Фрагмент мраморной плитки из Ольвии. Раскопки 1998 г. Фотография и прорисовка

Этот памятник, безусловно, принадлежит кругу рельефов с изображением фракийского всадника, которые исследователями по сюжетам разделены на несколько групп. Такие мраморные плитки, первоначально укреплявшиеся на стенах святилищ[2], связанных с религиозными представлениями фракийского населения Подунавья, в своей массе датируются II–III вв.[3] К сожалению, фрагментированный характер вновь найденного ольвийского рельефа не позволяет уверенно отнести его к тому или иному известному типу аналогичных памятников. Сейчас можно лишь констатировать, что он принадлежал к достаточно редко встречающимся памятникам, где фракийский всадник изображен в момент охоты на кабана, который бежит под крупом лошади в ту же сторону, куда скачет и всадник[4]. В ряде случаев мраморные плитки этого типа с посвящениями, сделанными римскими военнослужащими, датируются III в.[5]

Под фрагментом рельефа сохранилась правая часть двустрочной латинской надписи:

L· COH I·CILICVM · DE
VOTO POSVIT

Перед нанесением надписи плитка была размечена горизонтальными линиями, следы которых имеются в начале первой строки. Однако надпись выполнена несколько выше линии разметки, видимо, непрофессиональным резчиком. Об этом свидетельствуют также разное расстояние между буквами и небрежный шрифт, который по своему характеру достаточно близок «вульгарному» стилю поздних латинских эпиграфических памятников[6]. Высота букв 0.5–0.9 см. Из особенностей шрифта следует отметить, что цифра I, буквы I, L и V имеют апексы, а буква D в конце первой строки значительно меньше следующей за ней E. Буквы V и M вырезаны очень небрежно и даны в лигатуре (рис. 2).

Начало сохранившейся части первой строки может трактоваться двояко: как буква L и разделитель или E и T в лигатуре. При восстановлении надписи, видимо, следует отдать предпочтение последнему варианту. В пользу этого говорит незанятое текстом поле перед L, трудно объяснимое при восстановлении здесь [MI]l(es), а также отсутствие апексов, которые украшают букву L в слове Cilicum. Кроме того, поперечная средняя гаста по своему написанию аналогична гасте буквы E в конце этой строки. Таким образом, в начале сохранившейся части первой строки должны быть восстановлены E и T в лигатуре, а не L от [MI]L(es).

После ET читается название I Киликийской когорты вспомогательных войск римской армии – COH I CILICVM. В конце первой строки уверенно читаются еще две буквы – D и E. Они принадлежали слову, которое, по всей вероятности, можно считать дополнением к наименованию этого воинского подразделения. В посвятительной надписи из Том зафиксирован почетный

---

[2] См., например, *Гочева З.* Святилища на тракийский конник в районе на Провадия // Acta Associationis Internationalis Terra Antiqua Balcanica. 1990. IV. С. 134–142.

[3] *Kazarow G.I.* Denkmäler des thrakischen Reitergottes in Bulgarien. Budapest, 1938; *Goceva Zl., Oppermann M.* Corpus Cultus Equitis Thracii. Monumenta inter Danubium et Hemun reperta. Leiden, 1979.

[4] *Kazarow.* Op. cit. Abb. 201; ср. *Щеглов А.Н.* Фракийские посвятительные рельефы из Херсонеса Таврического // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. МИА. 1969. № 150. С. 140. Рис. 1, 5.

[5] *Goceva Zl.* Weihungen für den Thrakischen Reiter von Mitgliedern der römischen Legionen // Studia in honorem Borisi Gerov. Sofia, 1990. S. 89. Abb. 2.

[6] Ср. *Sandys J.E.* Latin Epigraphy. An Introduction to the Study of Latin Inscriptions. Groningen, 1969. P. 51–52.

Рис. 2. Прорисовка надписи на мраморной плитке из Ольвии. 1998 г.

титул I Киликийской когорты Philippianae[7]. Исходя из этого окончание первой и, вероятно, начало второй строк публикуемой надписи можно дополнить как почетный титул De[cianae], который эта когорта могла получить только в период правления римского императора Траяна Деция Августа (249–251)[8]. В настоящее время известно 14 эпиграфических памятников, в которых этот почетный титул сочетался с названиями римских воинских подразделений[9]. Судя по имеющимся данным, все они получили этот титул в промежуток времени между приходом к власти Деция в июне 249 и концом 250 г.[10] Ни один из известных сейчас эпиграфических памятников с почетным наименованием Decianae не может быть отнесен к 251 г., последнему году правления этого императора[11]. Исходя из этого и новая надпись из Ольвии с упоминанием Cohors I Cilicum De[cianae] скорее всего датируется тем же временем. Этому не противоречат археологический контекст находки, грубоватый характер исполнения памятника и шрифт надписи.

Итак, на основании всего изложенного фрагментированная надпись из раскопок Ольвии 1998 г. может быть восстановлена следующим образом:

--- ET COH(ortis) I CILICVM DE/
[CIANAE] ------[EX] VOTO POSVIT

Перевод: «--- и когорты I Киликийской Дециевой – по обету поставил».

Публикуемая плитка с надписью позволяет уточнить ряд аспектов истории Ольвии в середине III в., прежде всего касающихся количественного и качественного состава римского гарнизона, времени вывода его из Ольвии, проникновения и распространения здесь фракийских культов.

Упоминаемая в надписи I Киликийская когорта вспомогательных войск римской армии впервые фиксируется в Ольвии. Это подразделение было сформировано в период правления династии Юлиев-Клавдиев на территории Киликии. По мнению В. Вагнера, префект этой когорты М. Магий Антик упомянут в надписи первой половины I в., обнаруженной на территории современного города Сан-Эстебан де Гормаз, где располагался римский Уксам, который входил в состав провинции Тарраконская Испания, образованной в 27 г. до н.э.[12] Впервые

[7] ISM. 1987. V. II. P. 363–364, № 452 (2).

[8] *Kienast D.* Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie. Darmstadt, 1990. S. 202–203.

[9] CIL. III. 4300; VI. 32558–32560; XIII. 6658; XVI. 154; AE. 1944. 45; 1976. 277. Ср. *Fitz J.* Honorific Titles of Roman Military Units in the 3rd Century. Budapest, 1983. P. 179–182; *Vinogradov J.G., Zubar V.M.* Die Schola Principalium in Chersonesos // Il mar Nero. 1995/1996. II. S. 129–143; *Виноградов Ю.Г., Зубарь В.М., Антонова И.А.* Schola Principalium в Херсонесе // НЭ. 1998. XVI. С. 71–80.

[10] *Kienast.* Op. cit. S. 202–203.

[11] *Fitz.* Op. cit. P. 182.

[12] *Dessau H.* Inscriptiones Latinae selectae. Berolini, 1916. V. 3. Pt 2. № 8968; *Wagner W.* Die Dislokation der römischen Auxiliarformationen in der Provinzen Noricum, Pannonien, Moesien und Dakien von Augustus bis Gallienus. B., 1938. S. 120; *Holder P.A.* Studies in the Auxilia of the Roman Army from Augustus to Trajan. Oxf., 1980. P. 230, 244, E 23.

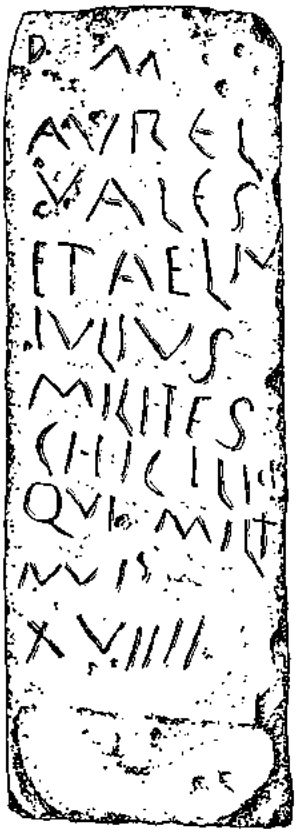

Рис. 3. Надгробие солдат I Киликийской когорты из Херсонеса

на территории Мезии I Киликийская когорта фиксируется военным дипломом в 78 г.[13] Не исключено, что тогда она дислоцировалась в Наисе (совр. Ниш, Республика Сербия и Черногория)[14]. В это время, судя по упоминанию в дипломе солдата-уроженца киликийского города Agi(us) – Парасауса, когорта формировалась из уроженцев восточных областей империи[15]. На территории Верхней Мезии это подразделение оставалось и после раздела единой провинции Мезия на две (86 г.), о чем свидетельствуют военные дипломы с упоминанием военнослужащих этого подразделения, датирующиеся 93, 96 и 100 гг.[16]

В период I Дакийской войны Траяна в связи с вторжением даков в Нижнюю Мезию в 101 г. она была передислоцирована на территорию этой провинции, где, вероятно, силами ее солдат в 103–105 гг. был возведен укрепленный лагерь в Сацидаве на берегу Дуная[17]. После окончания Дакийских войн солдаты I Киликийской когорты участвовали в Восточном походе Траяна, принимали участие в подавлении иудейского восстания[18], а после этих событий были возвращены на территорию Нижней Мезии, где найдены военные дипломы солдат этого подразделения, датирующиеся 112, 134, 145, 157 гг.[19] Во второй половине II в. военнослужащие этого подразделения по эпиграфическим памятникам также известны в Нижней Мезии[20]. Первой половиной III в. датируется надгробие Аврелия Валента и Элия Юлия – солдат I Киликийской когорты из Херсонеса, где они несли гарнизонную службу вместе с военнослужащими XI Клавдиева легиона (рис. 3)[21], которому эта когорта была подчинена в оперативном отношении[22]. К 244–249 годам относится посвящение Корнелия Валентина, солдата I Киликийской когорты из Том, из которого следует, что подразделение в это время

[13] CIL. XVI. 22.

[14] *Beneš J.* Auxilia Romana in Moesia atque in Dacia. Praha, 1976. № 56; *Benea D.* Din istoria militara a Moesiei Superior si a Daciei. Cluj-Napoca, 1983. P. 26; *Strobel K.* Untersuchungen zu den Dakerkriegen Trajans. Studien zur Geschichte des mittleren und unteren Donauraumes in der Hohen Kaiserzeit. Bonn, 1984. S. 127. Not. 96.

[15] *Тудор Д.* Киликийская когорта в Малой Скифии и Тавриде (Новые данные в изучении связей западного и северного побережья Черного моря в I-III вв. н. э.) // МИА Юго-Запада СССР и РНР. Кишинев, 1960. С. 241.

[16] CIL. XVI. № 39, 46; *Benea.* Op. cit. P. 149; *Aricescu A.* Armata in Dobrogea Română. Bucureşti, 1977. P. 57–58; *Roxan M.* Roman Military Diplomas 1954–1977. L., 1978. P. 36–37, № 6.

[17] *Scorpan C.* Cohors I Cilicum in Sacidava and Scythia Minor // JRS. 1981. 71. P. 102.

[18] CIG. 3498; AE. 1926. 150; *Saxer R.* Untersuchungen zu den Vexillationen der römischen Kaiserheeres von Augustus bis Diokletian // Epigraphische Studien. 1967. 1. S. 60; *Strobel.* Op. cit. S. 127.

[19] CIL. XVI, 78; *Aricescu.* Op. cit. P. 58; *Roxan.* Roman Military Diplomas... P. 72–73, № 50; *idem.* Roman Military Diplomas 1978 to 1984. L., 1985. P. 146, № 85; *Torbatov S.* A newfound Roman military Diploma from Nigrinianis (Lower Moesia) // LIMES a cura di Giancarlo Susini. Studi di storia. 1994. 5. P. 160–162.

[20] CIL. III. 144437. 2; ISM. 1987. V. II. P. 309–310, № 345(18).

[21] *Соломоник Э.И.* Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983. С. 64–65, № 39.

[22] *Beneš.* Op. cit. P. 24; ср. *Sarnowski T.* Wojsko rzymskie w Mezji Dolnej i na Północnym wybrzezu morza Czarnego. Warszawa, 1988. S. 144.

носило почетный титул Philippianae[23]. Исходя из данных известных сейчас эпиграфических памятников можно уверенно говорить, что в состав I Киликийской когорты (Cohors milliaria equitata) входили пехотинцы и всадники. Как всякое такое подразделение вспомогательных войск римской армии, она состояла из 720 пехотинцев и 280 кавалеристов[24].

Пока еще окончательно не решен вопрос о том, где располагались штаб и основной лагерь этой когорты на территории Нижней Мезии. Д. Тудор полагал, что он находился недалеко от Том[25]. Я. Бенеш считал возможным говорить о дислокации этого подразделения в Тропеум Траяна (совр. Адамклисси), когда когорта находилась в оперативном подчинении командования XI Клавдиева легиона[26]. К. Скорпан на основании находок целой серии эпиграфических памятников локализовал лагерь когорты в Сацидаве, на Дунае[27]. Последнее мнение представляется наиболее аргументированным. Однако военнослужащие этого подразделения на протяжении II – первой половины III в. дислоцировались и в других пунктах Нижней Мезии, что было обусловлено изменениями военно-политической обстановки в течение этого достаточно продолжительного отрезка времени[28]. Этим, вероятно, объясняются находки эпиграфических памятников, в которых упоминается I Киликийская когорта, в разных местах на территории провинции[29]. Например, в период правления императоров Филиппа Араба и Деция вексилляция этой когорты находилась в Томах[30], где обнаружено надгробие кавалериста этого подразделения Клавдия Матрона[31].

Сейчас трудно с уверенностью определить, какое количество солдат из каждого подразделения римской армии выделялось для несения гарнизонной службы в тот или иной пункт Северного Причерноморья, в том числе и в Ольвию. Но хронологически близкие надгробная эпитафия двух солдат I Киликийской когорты и надгробие Г. Юлия Валента, солдата I Сугамбрской когорты из Херсонеса, поставленное центурией, а также ряд других косвенных данных позволяют заключить, что в римские вексилляции включались не отдельные солдаты, а целые тактические единицы римских воинских подразделений, например центурии и турмы[32]. Если это так, то римские вексилляции состояли из одной или нескольких тактических единиц подразделений Мезийской армии, видимо во главе с унтер-офицером, и насчитывали как минимум около сотни солдат. Вероятно, количественный состав римской вексилляции Ольвии в середине III в., когда в него входили солдаты I Киликийской когорты, был приблизительно таким же. В противном случае дислокация в столь удаленном от основного района концентрации римских вооруженных сил месте римского отряда теряла смысл и он не мог выполнять стоявшие перед ним оперативные задачи.

---

[23] ISM. 1987. V. II. P. 363–364, № 452(2).

[24] *Holder P.* Cohortes Equitatae from Augustus to Hadrian // Military Illustrated. 1988. № 13. P. 21–26.

[25] *Тудор.* Ук. соч. С. 242.

[26] *Beneš.* Op. cit. P. 24.

[27] *Scorpan.* Op. cit. P. 101–102.

[28] Ibid. P. 102.

[29] Попутно следует отметить, что находки клейм с аббревиатурой CIC, вероятно, не могут безоговорочно рассматриваться в качестве керамической продукции, изготовленной солдатами I Киликийской когорты. Подробно см. *Тудор.* Ук. соч. С. 248–249; *Клейман И.Б.* К вопросу о пребывании в Тире I Киликийской когорты // КСОАМ за 1963 г. 1965. С. 179–182; *Beneš.* Op. cit. P. 25; *Aricescu.* Op. cit. P. 58.

[30] *Beneš.* Op. cit. P. 25.

[31] *Aricescu.* Op. cit. P. 58–59. Fig. 12; ISM. 1987. V. II. P. 309–310, № 345 (18).

[32] *Зубар В.М., Сон Н.О.* З приводу інтерпретації нового латинського напису з Херсонеса // Археологія. 1997. № 1. С. 122–123.

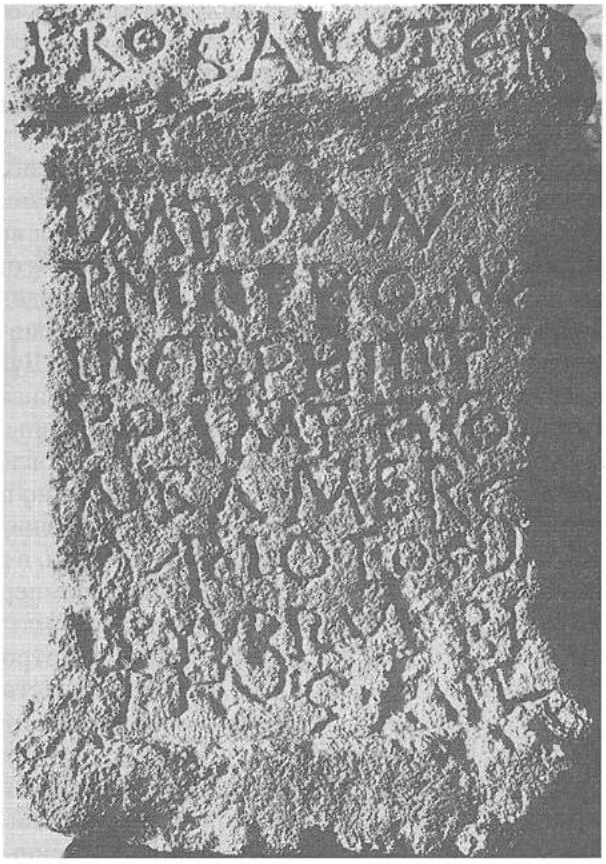

Рис. 4. Алтарь с посвящением Меркурию

Видимо, восстановление в первой строке перед названием когорты ET позволяет предполагать, что в ее несохранившейся части могло стоять наименование еще одного подразделения римской армии, а в начале строки – имя римского военного должностного лица и далее наименование вексилляции. В связи с этим следует вспомнить, что в Ольвии уже давно был найден алтарь с посвящением Меркурию, поставленный римским солдатом в 248 г. (рис. 4)[33]. Т.Н. Книпович считала, что в посвящении упомянуты два солдата с фракийскими односоставными именами Bithus и Pyrrus[34]. Однако вряд ли это так. Вероятно, памятник был поставлен не двумя солдатами, а одним. В правильности такого заключения убеждает фотография этого алтаря с надписью, в соответствии с которой для союза et между Bithus и Pyrrus нет места. В этой латинской надписи имя солдата, поставившего алтарь, имеет двусоставную римскую структуру, в которую входят два, по мнению исследователей, типично фракийских имени – Битус и Пиррус[35]. Следовательно, перед нами солдат фракийского происхождения, который, судя по его имени, не был римским гражданином, а следовательно, и не мог быть легионером. Он должен был

[33] IOSPE. I². № 167.

[34] *Книпович Т.Н.* К вопросу о римлянах в составе населения Ольвии I–III вв. н.э. // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 197. Ср. *Крыкин С.М.* Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М., 1993. С. 37.

[35] *Крыкин.* Фракийцы ... С. 37, 85.

служить в одном из римских вспомогательных подразделений, которые выделяли солдат для несения службы в Ольвии.

В просопографии Ольвии первых веков нашей эры известны и другие фракийские имена в латинской транскрипции. Причем лица, упомянутые в латинских надписях, были либо солдатами римского гарнизона Ольвии, либо членами семей солдат. Поэтому, несмотря на общее небольшое число имен в латинской транскрипции все же можно сделать некоторые выводы о римских военнослужащих, которые несли здесь гарнизонную службу.

В первую очередь обращает на себя внимание наличие среди этих имен трех безусловно фракийского происхождения. Фракийцем был Валерий Мукатралис, а следовательно, и его сын, который, правда, получил cognomen Secundinus[36]. Это позволяет предполагать, что ряд двусоставных типично римских имен мог принадлежать выходцам из фракийской этнической среды. Известно, что солдаты вспомогательных войск, поступая на римскую службу, получали новые имена с римской структурой, которыми их прежние имена заменялись либо частично, либо полностью[37]. Поэтому не исключено, что фракийцами по происхождению могли быть Элий Сатурнин, на что, возможно, указывает аналогичное имя его жены Элии Сатурнины, и Аврелия Квирина (или Квирния), а также легионер Галерий Монтан и его мать Галерия Монтана. Вероятно, и Ольвия Брисайс, жена или сожительница Валерия Мукатралиса, также была фракийского происхождения[38].

К сожалению, в публикуемой надписи имя дедиканта не сохранилось. Однако фрагмент рельефа фракийского круга, ниже которого был вырезан текст посвящения, свидетельствует о том, что солдат I Киликийской когорты был адептом одного из фракийских божеств, которому по обету, возможно, за победу в одном из военных столкновений с варварами[39], он посвятил мраморную плитку[40]. Крайне фрагментарный характер памятника не позволяет сказать что-то определенное о том, какому именно божеству было адресовано посвящение солдата, так как в виде всадника на территории Мезии и Фракии в первые века нашей эры почитался не только Герой, но и Асклепий, Дионис, Зевс, Плутон, Аполлон, Митра, Серапис, Сильван, Артемида и даже Артемида-Бендида[41]. Вполне возможно, что и сами дедиканты не имели единого и устоявшегося представления о роли и функциях своего конного бога[42], но его связь с борьбой разных начал (земного и небесного, жизни и смерти, римлян и варваров), особенно характерной для аналогичных памятников середины III в.[43], и фракийское происхождение несомненны[44].

---

[36] *Книпович*. Ук. соч. С. 197; ср. *Крыкин*. Фракийцы ... С. 121.

[37] *Ramsay*. The Social Basis of Roman Power in Asia Minor. Aberdeen, 1941. P. 6, 9.

[38] IOSPE. I². № 236; *Крыкин*. Фракийцы ... С. 37.

[39] См. *Штаерман Е.М*. Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987. С. 301.

[40] Ср. IDR. 1977. V. II. P. 138, № 308; ISM. 1980. V. V. P. 202, № 164; P. 203–204, № 167; P. 238, № 219; P. 255, № 239; P. 264, № 248; P. 303, № 296; IDR. 1988. V. III/4. P. 99–100, № 131; P. 227–228, № 285.

[41] *Щеглов*. Фракийские посвятительные рельефы... С. 174; *Oppermann M*. Zum Kult des thrakischen Reiters in Bulgarien // Thracia. 1974. 3. S. 353–362; *Попов Д*. Тракийская богиня Бендида. София, 1981. С. 16–18, 20, 78, 83, 95–96, 103; *он же*. Вотивный барельеф фракийского всадника из Полтавского краеведческого музея // ВДИ. 1990. №1. С. 75–76; *Крыкин С.М*. Фракийцы ... С. 137–143; *Русяева А.С*. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1993. С. 152 сл.

[42] *Штаерман Е.М*. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. М., 1961. С. 248; *она же*. Социальные основы... С. 30, 132, 234, 301. Ср. *Тачева-Хитова М*. История на източните култове в Долна Мезия и Тракия V в. пр. н. е.-VI в. н. е. София, 1982. С. 144, № 39; 156–157, № 55 а; 168, № 74; 268–270, № 17; 276–277, № 22.

[43] *Штаерман*. Социальные основы... С. 301.

[44] *Oppermann M*. Iconographische Untersuchungen zur Weihplastik der thrakischer Gebiete in Römischer Zeit // Dritter Internationaler thrakischer Kongress. 1984. Bd 2. S. 244–249.

В ходе раскопок в Ольвии ранее были обнаружены фрагменты мраморных вотивных рельефов, которые исследователи уверенно относят к памятникам фракийского круга, четыре из них – с изображением фракийского всадника, четыре – Митры Тавроктона, еще на двух представлены бородатые боги, Деметра и Кора[45]. На одном из рельефов с изображением фракийского всадника из Ольвии на основании аналогий было удачно интерпретировано посвящение Поробону, который был кельтским божеством[46]. Сейчас уже ни у кого не вызывает сомнений, что такие вотивные рельефы находились в местах стоянок римских войск[47]. Они отражают верования и религиозные представления выходцев с территории Мезии и Фракии[48], уроженцы которых составляли значительный процент римских военнослужащих, особенно подразделений вспомогательных войск Мезийской армии[49]. Из состава именно этой римской армии выделялись солдаты для несения службы в античных городах Северного Причерноморья, в том числе и Ольвии[50].

Не исключено, что на территории Верхнего города солдатами римского гарнизона было построено святилище, где вплоть до середины III в., о чем свидетельствует алтарь 248 г. и публикуемая надпись 249–250 годов, отправлялись культы наиболее почитаемых в солдатской среде божеств, в том числе и фракийского происхождения. Наличие святилища фракийских божеств в Ольвии или ее окрестностях предполагал еще М.И. Ростовцев[51]. Там же могли располагаться и плитки с изображением Митры, почитавшимся наряду с другими фракийскими и римскими божествами, которые рассматривались в качестве покровителей римской армии[52]. Косвенно об этом свидетельствует ольвийская надпись времени императора Севера Александра, в которой речь идет о строительстве Аврелием Юлианом в городе храма, посвященного Серапису,

---

[45] *Ростовцев М.И.* Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре // ИАК. 1911. 40. С. 17–19; *Блаватский В.Д.* Харакс // МИА. 1951. № 19. С. 256–258; *Щеглов А.Н.* Два вотивных рельефа из Ольвии // ЗОАО. 1967. II. С. 255–259; *Русяева.* Религия... С. 152–153; *Крапивина В.В.* Рельеф с Митрой Тавроктоном из Ольвии // Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одесского Археологического общества. Одесса, 1994. С. 168–171.

[46] IOSPE. I². № 171; *Соломоник Э.И.* Из истории религиозной жизни в северопонтийских городах позднеантичного времени // ВДИ. 1973. № 1. С. 55–56; *Русяева А.С.* Негрецькі елементи в релігії Ольвії римського часу // Археологія. 1982. 37. С. 11; *Крыкин С.М.* Deus Sanctus Porobonus // ВДИ. 1992. № 3. С. 140–147.

[47] *Domaszewski A.* Die Religion des römischen Heeres // Westdeutsche Zeitschrift für Geschichte und Kunst. 1895. Jahr. 21. S. 1–124; *Ростовцев.* Святилище... С. 1–42; *Русяева.* Религия... С. 152. Помимо Харакса, Херсонеса, Ольвии и Тиры, где уже давно известны рельефы фракийского круга (*Щеглов.* Два вотивных рельефа... С. 135–137), аналогичные фрагментированные памятники, к сожалению, до сих пор должным образом неопубликованные, обнаружены на Сакской пересыпи в Северо-Западном Крыму. Подробно см. *Ланцов С.Б.* Позднеантичное святилище на Сакской пересыпи // Тез. докл. конф. «Проблемы античной культуры». Симферополь, 1988. Ч. III. С. 249–250.

[48] *Тачева-Хитова.* Ук. соч. С. 447–450, 458–459; *Найденова В.П.* Культ Митры в Нижней Мезии и Фракии // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 56–59; *Крыкин С.М.* Фракийский субстрат в античных колониях Северного Причерноморья // Thracia. 1988. 8. С. 79; *Goceva.* Weihungen ... S. 88–98; *Clauss M.* Cultores Mithrae. Stuttgart, 1992. S. 218–233, 235.

[49] *Holder.* Studies... P. 109–139; *Mann J.* Legionary Recruitment and Veteran Settelment during the Principat. L., 1983. P. 38, 66.

[50] *Ростовцев М.И.* Военная оккупация Ольвии римлянами // ИАК. 1915. 58. С. 8; *Зубарь В.М.* Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. – первая половина VI в.). Киев, 1998. С. 98–106.

[51] *Ростовцев.* Святилище... С. 17–18; ср. *Колосовская Ю.К.* Римский провинциальный город, его идеология и культура // Культура древнего Рима. Т. II. М., 1985. С. 223–225.

[52] *Русяева.* Религия ... С. 155; *Krapivina V.V.* About the Cult of Tauroctonous Mithra in Olbia // The Thracian World at the Crossroads of Civilization. I. Bucurest, 1997. P. 82; ср. *Garbsch von J.* Das Mithraeum von Pons Aeni // Bayerische Vorgeschichtsblatter. 1985. 50. S. 355–462.

Исиде, Асклепию, Гигиее и Посейдону[53], где, вероятно, почитались все перечисленные божества. Сказанное хорошо согласуется с тем, что на территории дислокации римского гарнизона в Балаклаве в специальном помещении, открытом в 1996 г., имелись посвящения Юпитеру Долихену, Геркулесу и Вулкану[54].

А.С. Русяева, анализируя вотивные рельефы фракийского круга из Ольвии, пришла к выводу о том, что ограниченное количество таких памятников позволяет говорить о малочисленности римского гарнизона города[55]. Это заключение хорошо согласуется с общим незначительным количеством латинских эпиграфических памятников из Ольвии в сравнении, например, с Херсонесом и его округой. Кроме того, в Херсонесе известно достаточно много латинских надгробий с упоминанием легионеров, в то время как в Ольвии их обнаружено только четыре (два из них пока не опубликованы). Учитывая вышеизложенное, а также то, что фракийское население Подунавья более активно проникало в состав вспомогательных войск, куда набирались в основном неримские граждане[56], можно с известной долей вероятности предположить, что и качественный состав вексилляций Херсонеса и Ольвии был различным. Для последней было, вероятно, характерно количественное преобладание солдат вспомогательных войск.

В связи с этим следует обратить внимание на интерпретацию текста одной греческой эпитафии, предложенную Ю.Г. Виноградовым. Исходя из ее содержания можно говорить о том, что после окончания Дакийских войн Траяна, между 106 и 111 гг., для защиты Ольвии римской администрацией был отправлен военный отряд пехотинцев, вооруженных длинными щитами. Судя по греческому имени и патронимику погребенного, это подразделение было сформировано не из легионеров, а из солдат вспомогательных иррегулярных войск[57], а в правление императора Адриана для защиты Ольвии от посягательств варваров были задействованы кавалеристы из состава боспорских войск[58]. Если предположение относительно качественного состава римского гарнизона Ольвии во второй половине II–III в. правомерно, то, вероятно, можно говорить об определенной преемственности в военной политике провинциальной администрации по отношению к гражданской общине ольвиополитов.

Тем не менее, согласно латинской строительной надписи конца 60-х – начала 70-х годов II в. в Ольвии находилась вексилляция, состоявшая из солдат V Македонского, I Италийского и XI Клавдиева легионов[59]. Если соотнести эти данные с результатами археологических исследований, которые свидетельствуют о начале интенсивного строительства на территории Верхнего города именно в это время[60], то можно заключить, что именно с помощью леги-

---

[53] IOSPE. I². № 184.

[54] Подробно см. *Зубар В.М., Сарновський Т., Савеля О.Я.* Нові латинські написи з римського храму в околицях Херсонеса Таврійського // Археологія. 1997. № 4. С. 67–88; *Sarnowski T., Zubar V.M., Savelja O.Ja.* Zum religiösen Leben der Niedermoesischen Vexillationen auf der Südkrim. Inschriftenfunde aus dem neuentdeckten Dolichenum von Balaklawa // Historia. 1998. XLVII. 3. S. 321–341.

[55] *Русяева.* Религия ... С. 158–159.

[56] *Holder.* Studies ... P. 109–139; *Mann.* Legionary ... P. 38, 66.

[57] *Виноградов Ю.Г.* Ольвия и Траян // Восточная Европа в древности и средневековье. Тез. докл. конф. М., 1990. С. 29–31.

[58] *Зубар В.М.* Ольвія і Рим в першій четверті II ст. // Археологія. 1993. № 4. С. 148–151; *он же.* Северный Понт... С. 99–106.

[59] *Зубарь В.М., Сон Н.А.* К интерпретации одной латинской надписи из Ольвии (IOSPE, I², № 322) // ВДИ. 1995. № 3. С. 181–187.

[60] *Крапивина В.В.* Ольвия. Материальная культура I–IV вв. Киев, 1993. С. 10–20; *Крапивина В.В., Буйских А.В.* Предварительные итоги исследования юго-восточной части Верхнего города Ольвии (1982–1996) // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997. С. 125–126.

онеров были предприняты меры по укреплению оборонительных сооружений и возведению новых построек. Но вскоре основная масса легионеров из города была выведена, и римские военнослужащие в конце II – середине III в. здесь были представлены солдатами вспомогательных войск, набранными главным образом из среды фракийского населения Подунавья. В пользу этого свидетельствуют не только фракийские имена, но и некоторые принадлежности римского вооружения, обнаруженные при раскопках Ольвии[61]. Такие вексилляции, формировавшиеся на основе вспомогательных подразделений и выполнявшие различные оперативные задачи, хорошо известны в римской военной практике первых веков нашей эры[62]. Возможно, именно этим объясняется отсутствие в Ольвии легионных клейм.

Однако наряду с солдатами вспомогательных войск, которые составляли, вероятно, подавляющее большинство военнослужащих ольвийской вексилляции, здесь, безусловно, служил и какой-то контингент легионеров, о чем свидетельствует надгробие, поставленное в конце II в. Галерием Монтаном своей матери и Прокуле, вероятно жене или сожительнице[63]. В данном случае особый интерес представляет то, что Галерий Монтан был не простым солдатом XI Клавдиева легиона, а принадлежал к его арматуре, т.е. по своему должностному положению он был принципалом и руководил тактической подготовкой солдат. Такие принципалы были своеобразными инструкторами солдат-новобранцев[64]. Поэтому можно предположить, что Галерий Монтан, находясь в составе римской вексилляции Ольвии, которая, как предполагается, в основном состояла из солдат вспомогательных войск – по происхождению фракийцев, также должен был отвечать за подготовку ее солдат[65]. Возможно, сам он также был фракийцем (см. выше).

Публикуемая нами надпись из раскопок Ольвии 1998 г., как указывалось выше, датируется достаточно точно 249–250 годами. Она хронологически близка другим памятникам этого времени из Северного Причерноморья, в которых упоминаются военнослужащие римской армии. Поэтому ее, безусловно, следует рассматривать в тесной связи с уже указанным выше ольвийским алтарем 248 г. с посвящением Меркурию[66] и строительной надписью 250 г. из Херсонеса, в которой говорится о восстановлении схолы принципалов, видимо, на территории римской цитадели города Марком Ратином Сатурнином, центурионом I Италийского легиона[67]. Все эти памятники, безусловно, свидетельствуют об активизации римской политики в отношении античных государств Северного Причерноморья в период правления императоров Филиппа Араба (244–249) и Траяна Деция (249–251).

В середине III в. в римской внутренней и внешней политике Подунавье играло достаточно важную роль. В частности, Филипп Араб, а впоследствии Деций осуществили ряд военных акций против варваров, угрожавших Мезии и

---

[61] *Сон Н.О., Назаров В.В.* Знахідки римської зброї в Тірі та Ольвії // Археологія. 1993. № 1. С. 120–123.

[62] CIL. VI. 421; XII. 1358; Подробно см. *Saxer*. Op. cit. S. 59–61, 119–120.

[63] IOSPE. I². № 236.

[64] *Dobson B.* Einfuhrung // *Domaszewski A.* Die Rangordnung des römischen Heeres. Köln-Graz, 1967. S. XV.

[65] Ср. *Зубарь*. Северный Понт ... С. 99–106.

[66] IOSPE. I². № 167.

[67] *Vinogradov, Zubar*. Op. cit. S. 129–143; *Виноградов, Зубарь, Антонова*. Ук. соч. С. 71–80; ср. *Антонова И.А.* Раскопки цитадели Херсонеса // Археологические исследования в Крыму 1994 г. Симферополь, 1997. С. 19–24; *она же*. Административное здание херсонесской вексилляции и фемы Херсона (по материалам раскопок 1989–1993 гг.) // ХСб. 1997. VIII. С. 10–14.

Фракии[68]. Причем, как известно, последний вместе с сыном погиб в 251 г. во время повторного похода против готов, утонув в болоте в Добрудже около Абрита[69]. Не удивительно, что именно в период правления этих двух императоров в Ольвии и Херсонесе эпиграфическими памятниками четко фиксируется присутствие римских войск, что, вне всякого сомнения, следует рассматривать в тесной связи с римской политикой в Подунавье и борьбой империи с активизировавшимися в это время варварами. Дислокация здесь пусть даже количественно небольших римских гарнизонов, которые взяли на себя защиту греческого населения, превращала эти центры в естественных союзников на подступах к границам империи и позволяла противостоять агрессивным устремлениям варваров, что, вероятно, было важной составляющей целенаправленной римской политики по отношению к античным государствам Северного Причерноморья в это время[70].

После гибели Децией новым императором становится Требониан Галл (251–253), виновный, по мнению большинства древних авторов, в их гибели. Он заключил позорный для империи мир с готами, и, вероятно, вскоре было принято решение об окончательном выводе римских гарнизонов из античных центров Северного Причерноморья и, в частности, из Ольвии. Империя в это время остро нуждалась в вооруженных силах и резервах на собственных границах. Об этом свидетельствует, с одной стороны, реформа римской армии, начатая еще Филиппом Арабом и продолженная Валерианом (253–259) и Галлиеном (259–268)[71], а с другой – крайнее напряжение военных усилий империи в борьбе с варварами на Дунае в правление последнего из названных императоров[72]. Аналогичными соображениями, видимо, руководствовался позднее и император Аврелиан (270–275), который принял решение об окончательной эвакуации из римской провинции Дакии[73]. Все это позволяет утверждать, что именно вследствие бурных событий на дунайской границе империи не позднее третьей четверти III в. римские войска окончательно были выведены из античных городов Северного Причерноморья, и в их истории начинается новый, позднеантичный этап развития[74]. Причем археологический контекст находки в Ольвии алтаря 248 г. и публикуемой надписи, как и целый ряд других данных[75], хорошо согласуются со сказанным.

В связи с этим, видимо, уместно вспомнить, что в Тропеум Траяна (Адамклисси), где несколько раньше дислоцировались солдаты I Киликийской когорты, было обнаружено посвящение Юпитеру Ольвиополитанскому, поставленное

---

[68] Подробно см. *Zosim.* I. 20. 1; *Dexipp.* 18; Iord. Get. 90–93; *Ременников А.М.* Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. М., 1954. С. 36–39; *Буданова В.П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990. С. 84–85.

[69] *Zosim.* I. 23; *Zonar.* XII. 20; *Vict.* Caes. 29. 4.

[70] См. *Зубарь.* Северный Понт... С. 131.

[71] *Grosse M.* Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung. B., 1920. S. 1–23; *Regibus L.* La monarchia militare di Gallieno. Milano, 1939. P. 105–129; *Jones A.H.M.* The Late Roman Empire 284–602. A Social, Economic and Administrative Survey. V. I. Oxf., 1964. P. 21–36; *Alföldi G.* Studien zur Geschichte der Weltkrise des 3. Jahrhunderts. Darmstadt, 1967. S. 342–374.

[72] *Regibus.* Op. cit. P. 63–82.

[73] *Scorpan C.* Limes Scythiae. Topographical and Stratigraphical Research on the Late Roman Fortifications on the Lower Danube. Oxf., 1980. P. 134; *Cătănicia I.B.* Evolution of System of Defens Works in Roman Dacia. Oxf., 1981. P. 53–55.

[74] *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев, 1994. С. 132; *Vinogradov, Zubar.* Op. cit. S. 139–140; *Зубарь.* Северный Понт ... С. 142 сл. Ср. *Крижицький, Крапівіна, Лейпунська.* Головні етапи історичного розвитку Ольвії // Археологія. 1994. № 2. С. 22.

[75] См. *Зубарь.* Северный Понт ... С. 130–131.

Марком Невием Теотимианом за здравие и благополучие августов Диоклетиана и Максимиана, а также цезарей Констанция Хлора и Галерия (286–305)[76]. Эту эпиклезу Юпитера П.О. Карышковский несомненно справедливо связал именно с Ольвией Понтийской, где в первые века нашей эры был известен культ Зевса Ольвия[77]. Это в качестве одной из гипотез позволяет рассматривать упомянутого дедиканта в качестве уроженца или потомка кого-то из жителей Ольвии, которые покинули город вместе с римскими войсками в третьей четверти III в. и обосновались в одном из населенных пунктов на территории Нижней Мезии[78].

Итак, новая латинская надпись из Ольвии в предложенной интерпретации является пока самым поздним эпиграфическим памятником, свидетельствующим о пребывании на территории Нижней Мезии и в античных центрах Северного Причерноморья военнослужащих I Киликийской когорты, а также первым эпиграфическим памятником, в котором засвидетельствованы ее пребывание в Ольвии и получение этим подразделением почетного титула Deciana. Наряду с уже известными надписями это посвящение позволяет утверждать, что вплоть до середины III в. римская военная администрация отводила Ольвии определенную роль в политике сдерживания варваров на дунайской границе империи. Естественно, ввиду крайне ограниченного количества источников эта проблема пока может быть лишь поставлена. Однако каждый полевой сезон приносит много интересного, и, кто знает, может быть, мы стоим на пороге новых открытий в области ольвийской эпиграфики, которые, наконец, позволят реконструировать заключительный этап истории этого античного центра.

ABOUT A ROMAN GARRISON IN OLBIA IN THE MIDDLE OF THE 3rd CENTURY

V. M. Zubar, V. V. Krapivina

During the excavations in the south-eastern part of the Upper city of Olbia in 1998 a small fragment of a marble slab with a relief of a Thracian horseman and two lines of a Latin inscription was found. The relief belongs to a group of rather rare reliefs, where a Thracian horseman is depicted hunting a wild boar running under the croup of his horse. The appearance of such slabs in Olbia was connected with Thracian warriors in the Roman garrison there. The inscription can be restored in as follows: --- ET COH(ortis) I CILICUM DE/[CIANAE] ------[EX] VOTO POSUIT. Translation: «---and coh(ort) I Cilicianae De(cianae)------(by) promise dedicated». According to this interpretation the inscription can be dated back to AD 249–250. It is the latest epigraphical monument which testifies to the residence of the warriors of the Ist Cilician cohort on the territory of Moesia Inferior and in the Greek centres of the northern coast of the Black Sea. It is also the first epigraphical monument which testified to the residence of the warriors of the Ist Cilician cohort in Olbia and proves that the cohort was awarded the honourable title *Deciana*. Together with the already known epigraphical monuments this dedication permits to specify some aspects of the history of Olbia in the middle of the 3rd century, first of all the composition of Roman garrison, the date of its withdrawal from the city, penetration and dissemination of Thracian cults there. Roman military administration assigned a certain part to Olbia in the politics of containing the barbarians at the Danubian frontiers of the Empire until the middle of the 3rd century.

[76] *Карышковский П.О.* Из истории поздней Ольвии // ВДИ. 1968. № 1. С. 169–170; *Kienast.* Op. cit. S. 262–283.

[77] *Карышковский.* Из истории ... С. 179; см. IOSPE. I². № 42, 143; *Русяева.* Религия ... С. 62–63.

[78] *Крапивина.* Ольвия.... С. 155. В этом отношении показательно, что в периоды военной угрозы миграции населения имели место и в других районах Северного Причерноморья, например на Боспоре. Подробно см. *Даньшин Д.И.* Танаиты и танаисцы во II–III вв. // КСИА. 1990. 197. С. 55–56.